

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД ООН: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

© 2011 г. Рубен Амаякович Каламкрян¹

Краткая аннотация: в работе показывается значимость Международного суда в плане разрешения споров между государствами в формате миропорядка на основе верховенства права.

Annotation: the work shows an importance of International Court of Justice in resolving disputes among states in the framework of world order on the basis of Rule of Law.

Ключевые слова: международный суд, миропорядок на основе верховенства права, становление и развитие.

Key words: International Court of Justice world order on the basis of Rule of Law Formation and Evolution

Поступательные вехи развития мирового сообщества определяют себя датами провозглашения создания в 1922 г. Постоянной палаты международного правосудия, подписания в 1928 г. Парижского договора об отказе от войны как средства национальной политики, учреждения на основе Устава ООН Организации Объединенных Наций и образования на базе Статута Международного суда.

Постоянная палата международного правосудия знаменовала создание действующего на постоянной основе международного судебного органа. Впервые со времени проведения в 1797 г. международного арбитражного разбирательства по делу Бетси (Betsy) между США и Великобританией² институт судебно-арбитражного производства обрел качество целостного по форме и законченного по содержанию института. Преимущества постоянно действующего судебного органа, состоящего из коллегии 15 независимых судей, перед образуемым время от времени (ad casum) международным арбитражем с независимым членским составом с юридической точки зрения очевидны. С созданием Постоянной палаты международного правосудия миропорядок на основе господства права³ Rule of Law обрел черты реально достижимого результата. Известно, что согласно концепции господства права все

споры между государствами призваны решаться через международные судебные институты. По факту получения переданного ему спора суд как орган международного правосудия выносит юридически обязательное для сторон решение в режиме res judicata. При этом суд в качестве органа международного правосудия в силу принципа запрета non-liquet⁴ не может отказаться вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права. Деление споров на правовые и поэтому могущие быть разрешенными в суде и, соответственно, неправовые (политические) и в силу этого не подлежащие разрешению в суде носит с точки зрения науки и практики международной юриспруденции искусственный характер. Все споры, переданные в суд с целью их решения, подлежат быть принятыми к производству, и по ним надлежит найти соответствующее решение на основе применения всей источниковой базы международного права.

Значимость учреждения в 1922 г. Постоянной палаты международного правосудия в плане придания целостности институционно-правовой конструкции построения миропорядка на основе господства права может быть должным образом оценена в свете другого знакового события – заключения в 1928 г. Парижского договора об отказе от войны как средства национальной политики. Само название документа свидетельствует о его юридической силе. Устанавливая правовой запрет на обращение к войне как средству национальной политики, Договор 1928 г. тем самым подвел черту под всем предыдущим историческим развитием государственного сообщества стран мира, когда война как средство национальной политики

¹ Ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, профессор, доктор юридических наук (E-mail: igpran@igpran.ru; тел.: (495) 691-13-29).

² См. на этот счет: Cheng B. General Principles of Law as applied by International Courts and Tribunals. London, 1953. P. 106, 107, 259, 261, 262, 275–277; Zoller E. La Bonne Foi en Droit International Public. Paris, 1977. P. 34, 35.

³ См.: Каламкрян Р.А. Господство права Rule of Law в международных отношениях. М., 2004; Dicey A.V. The Introduction to the Law of Constitution. Oxford, 1960.

⁴ См.: International Law. Being the Collected Papers of H. Lauterpacht. Vol. 2. Part 1. Cambridge, 1975. P. 213–233.

не запрещалась в строго юридическом плане. И это в реальности было таким образом: действовавшие на данный момент международно-правовые нормы, не исключая войну как средство национальной политики, осуществляли регулирование ее ведения в определенных (допустимых) рамках. Создание юридического запрета на обращение к войне как средству национальной политики направляло государства – члены мирового сообщества по факту возникшего между ними спора в орган международной юстиции, уже действовавший к тому времени, – Постоянную палату международного правосудия.

Учреждение Постоянной палаты международного правосудия и подписание Парижского договора фактически кардинальным образом видоизменили международное право на конкретный момент своего действия.

Из права природы (*law of nature*), допускавшего войну как средство национальной политики, международное право превратилось в право суда (*law of court*), предметно обозначающее место постоянного органа международной юстиции в деле обеспечения права⁵.

Международный суд и Организация Объединенных Наций, осуществляющие свою благородную миссию по факту подписания Статута суда и Устава ООН, подтвердили и существенным образом развили наработанный позитив правоприменительной практики Парижского договора 1928 г. и правообеспечительной работы Постоянной палаты международного правосудия. Установив запрет угрозы силой или ее применения, Устав ООН провозгласил Международный суд органом по решению переданных ему споров. Режим обеспечения права дополняется режимом содействия прогрессивному развитию международного права и его институтов.

Международный суд как главный судебный орган ООН играет все более заметную роль в установлении господства права в международных отношениях. Поведение государств как элемент соответствия требованиям господства права (*Rule of Law*) призвано исключать любые случаи преднамеренного воспрепятствования возбуждению дела и его нормальному прохождению в режиме открытого судебного производства. Будучи независимым коллективным органом ООН, Международный суд призван содействовать разрешению межгосударственных споров при обстоятельствах, когда все другие мирные средства урегулирования оказываются неэффективными. Решения,

выносимые Судом на основе международного права и справедливости, не только служат основой урегулирования того или иного спора, но и содействуют прогрессивному развитию международного права и его институтов. Сам факт обращения в Международный суд не должен рассматриваться как недружественный акт.

Международный правопорядок, в котором межгосударственные споры урегулируются на основе решений независимого международного судебного органа, обретает большую стабильность, сводя на нет непредсказуемость в действиях государств. Уважение к праву помогает достижению доверительности во взаимоотношениях государств.

Все более расширяется круг субъектов права, заинтересованных в получении авторитетного мнения главного судебного органа ООН. В настоящее время помимо государств (ст. 34 Статута Международного суда) возможность обращения в Международный суд предоставлена Генеральной Ассамблее и Совету Безопасности ООН (п. 1 ст. 96 Устава Международного суда), а также другим органам ООН и специализированным учреждениям системы ООН (п. 2 ст. 96 Устава). С момента своего первого заседания, состоявшегося 1 апреля 1946 г., до 31 июля 1996 г. суд рассмотрел в общей сложности 97 дел (75 из них – споры между государствами и 22 – консультативные заключения). В указанных делах суд вынес 61 решение (из которых 39 – по существу дела и 23 – консультативные заключения). Из 295 вынесенных судом постановлений 224 затрагивали исключительно вопросы продления сроков ведения судебного производства, в то время как 263 касались спорных дел и 32 – консультативных дел. Например, важное значение с точки зрения теории и практики современного международного права имеют решение Международного суда от 3 февраля 1994 г. по делу “О территориальном споре между Ливией и Чадом”; от 30 июня 1995 г. – о Восточном Тиморе; решение от 15 февраля 1995 г. и постановление от 30 октября 1996 г. по делу между Катаром и Бахрейном о делимитации морской границы и по территориальным вопросам; решение от 25 сентября 1997 г. по делу между Венгрией и Словакией относительно проекта Габчикова–Нагymarос; постановление от 22 января 1998 г. по делу между Боснией – Герцеговиной и Югославией относительно применения Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него; постановление от 16 декабря 1996 г. по делу между Исламской Республикой Иран и Соединенными Штатами Америки о нефтяных платформах; постановление от 2 мая 1995 г. по делу между Испанией и Канадой

⁵ Подробнее см.: *Каламкарян Р.А.* Философия международного права. М., 2007.

о компетенции в области рыболовства; постановление от 27 февраля 1998 г. по делу между Ботсваной и Намибией относительно острова Касиким/Седуду. Серьезный научный интерес вызвала процедура рассмотрения в Международном суде вопроса о законности угрозы ядерным оружием или его применения. Консультативное заключение от 8 июля 1996 г., которое вынес Международный суд по этому делу, стало конкретным вкладом высшего судебного органа ООН в дело поддержания международного мира и безопасности между государствами. Рост числа случаев разбирательства в Международном суде даже внешне незначительных вопросов без сомнения все более склоняет международное сообщество к судебной процедуре урегулирования споров.

Потенциальные возможности для повышения роли Международного суда помимо расширения круга субъектов – сторон судебного разбирательства заложены также в распространении его юрисдикции на вопросы, ранее не подлежавшие рассмотрению в суде. Поскольку постановления Статута суда не допускают каких-либо оговорок при принятии обязательной юрисдикции Международного суда за исключением условия взаимности, то было бы целесообразно накладывать определенные ограничения на формулирование оговорок, исключавших ту или иную область из сферы подсудности Международного суда. Здесь возможно двойное решение: во-первых, признание на основе специального постановления суда того, что данная оговорка не имеет юридической силы (т.е. государство, сделавшее оговорку при принятии обязательной юрисдикции, тем самым полностью связано постановлениями своей декларации согласно п. 2 ст. 36 Статута); во-вторых, признание суда, что соответствующая оговорка затрагивает объект и цель самой декларации и тем самым делает ее юридически недействительной.

Расширению юрисдикции Международного суда и, соответственно, повышению его роли как главного судебного органа ООН могло бы способствовать наличие специального списка тех вопросов, которые в перспективе могли или, наоборот, не могли бы становиться предметом его разбирательства. Решение этой задачи способно значительно упростить всю процедуру судебного урегулирования.

И наконец, активно использовать судебную процедуру для разрешения международных споров государства могут, обратившись к институту *forum prorogatum*, в одном случае дать согласие на расширение компетенции суда по уже рассматриваемому делу (при наличии признания обязатель-

ной юрисдикции суда всеми участниками спора), а в другом – (при отсутствии формального конвенционного обязательства и декларации о принятии обязательной юрисдикции суда) принять юрисдикцию суда по конкретному делу. В обоих случаях активное поведение государства служит средством упрощения формальных процедур, требуемых для дачи согласия государства на разных стадиях судебного разбирательства.

Признание обязательной юрисдикции суда на базе юридически значимого поведения государства является особым случаем выражения его согласия на это. Наиболее частым и, можно сказать, общим способом проявления намерения признать юрисдикцию суда является, конечно, выступление с декларацией согласно п. 2 ст. 36 Статута. К настоящему времени 59 государств мира представили свои декларации о признании обязательной юрисдикции Международного суда в соответствии с п. 2 ст. 36 Статута.

Придание этой практике характера универсальной нормы, несомненно, способствовало бы утверждению господства права в системе международных отношений. Поскольку природа связей, устанавливаемых в результате совокупного действия заявлений по ст. 36, носит конвенционный характер, логично предположить, что государство, как и в случае формального договора, призвано соблюдать все вытекающие из указанного постановления Статута обязанности исключительно на основе принципа добросовестности. Основным здесь является обязательство о признании обязательной юрисдикции суда и выраженное намерение обратиться к суду для разрешения спора. В том что касается выполнения Международным судом и арбитражем своих обязанностей в процессе разбирательства по делу, то они регламентируются такими документами, как Регламент суда 1978 г. и Образцовые правила арбитражного процесса, принятыми Комиссией международного права в 1958 г. Эти документы определяют характер и содержание деятельности международных судебных и арбитражных органов по отправлению правосудия. Статут и Регламент Международного суда совместно с Образцовыми правилами арбитражного процесса устанавливают такие правила поведения, которые при условии их добросовестного соблюдения всеми вовлеченными в процесс урегулирования спора сторонами: судом (арбитражем), заявителем и ответчиком, – призваны содействовать завершению разбирательства по делу в максимально допустимые с точки зрения права и разумные в свете имеющихся процессуальных возможностей

сроки. А ведь в этом и состоит основная задача международного права.

Исследование вопроса о поведении государств в Международном суде в аспекте обеспечения господства права (*Rule of Law*) предполагает рассмотрение комплекса юридических проблем, связанных с поведением государств на стадии обращения в суд (арбитраж), на стадии непосредственно самого процесса разбирательства в суде (арбитраже) и, наконец, на стадии завершения международного судебного производства.

Включенность государств в процесс международного судебного разбирательства дела определяется заинтересованностью в решении спора, переданного в Международный суд. Изъявляя свое согласие на судебное рассмотрение спора, государства тем самым подтверждают свою приверженность Международному суду как органу международного правосудия, который знает право *jura novit curia*, решает переданный ему спор в режиме юридического равенства *audiatur et altera pars* и выносит юридически обязательное для сторон решение в параметрах *res judicata*. Осознание всех обозначенных обстоятельств, собственно, и образует юридическую заинтересованность государств – членов мирового сообщества получить от суда окончательное решение по делу и впоследствии строить свои взаимоотношения с учетом принятого Международным судом решения.

Международно-правовой позитив, заложенный в созидательной деятельности Международного суда по обеспечению права и содействию прогрессивному развитию международного права и его институтов, создает юридическое обоснование для беспрепятственного прохождения дела в суде. Тем самым исключаются случаи злоупотребления правом, когда в нарушение принципа добросовестности *bona fide* государство создает искусственные преграды для нормального прохождения дела в суде. Речь конкретно идет о недопущении случаев, когда государство – участник рассмотрения дела в Международном суде на одной из последовательно идущих стадий процесса (письменной и устной) намеренно затягивает производство по делу, нарушая временные параметры представления надлежащих документов. Первоначально выраженное свободное согласие государств передать возникший между ними спор на решение Международного суда устанавливает обязательство результата. Юридически – логическим результатом рассмотрения дела в Международном суде является вынесение судом решения, и все, что определяет достижение результата, подчинено требованиям принципа добросовест-

ности в режиме всяческого содействия отправлению правосудия.

Согласие государств передать спор на разрешение Международного суда (арбитража) предполагает определенную линию их поведения в ходе процедуры возбуждения дела в суде. Так, предусматривается, что на стадии заключения компромисса, образования суда, установления подсудности спора государства не будут создавать искусственных преград прохождению дела в нормальном порядке в соответствии с международным правом и принципом добросовестности. Естественный ход разбирательства согласно обычным, предусмотренным на этот счет правилам и процедурам должен всецело соблюдаться. Более того, государства, руководствуясь принципом добросовестности, должны не только воздерживаться от определенных, затрудняющих нормальный ход разбирательства акций, но и всецело взаимодействовать с судом (арбитражем) в быстрейшем достижении справедливого и основанного на действующем международном праве разрешения спора.

В отличие от международного арбитража Международный суд – это постоянно функционирующий орган. Процедура образования суда здесь отсутствует. Основополагающее значение при исполнении обязательства по урегулированию спора посредством обращения в Международный суд принцип добросовестности играет в отношении выполнения общих или специальных договоров, содержащих положение о признании обязательной юрисдикции суда. Поскольку признание обязательной юрисдикции суда помимо формального договора может быть облечено в виде деклараций согласно п. 2 ст. 36 Статута суда, интерес представляет вопрос о действительности деклараций, содержащих оговорку (помимо оговорок о взаимности) к ним, а также вопрос о денонсации деклараций.

Принцип добросовестности, все более утверждающийся в рамках нового политического мышления в системе международных отношений, играет важнейшую регулятивную роль и в процессе обращения в суд или арбитраж, и при обеспечении должного выполнения вынесенного судебного решения. В морально-политическом аспекте содержание данного принципа предусматривает необходимость обращения в суд с целью окончательного разрешения спора и недопущения неурегулированности спора, поскольку это может повлечь ухудшение международной ситуации и, соответственно, представлять угрозу международному миру. В том что касается его позитивно-юридического содержания, то принцип добросо-

вестности обеспечивает на должном уровне такие процедуры, как обращение в суд, проведение справедливого судебного процесса и исполнение вынесенного решения. В указанных трех направлениях принцип добросовестности начинает действовать с момента изъяснения государствами согласия обратиться к судебному урегулированию спора. Формой выражения согласия государств могут служить договор об арбитраже, компромиссное положение в договоре (в отношении международного арбитража) или конвенционное постановление об обязательной юрисдикции и декларация о принятии обязательной юрисдикции (в отношении Международного суда ООН).

Таким образом, если принятие государствами обязательства обратиться в Международный суд или арбитраж предопределяет возможность окончательного урегулирования спора юридическими средствами, то принцип добросовестности обеспечивает выполнимость этого обязательства во всеобъемлющей мере на всех стадиях судебного разбирательства и справедливое решение.

Последующее исследование поведения государств при исполнении ими своих обязанностей по судебному и арбитражному урегулированию будет строиться, исходя из последовательных логических стадий при возбуждении дела в суде. Так как проблема образования суда возникает в связи с деятельностью международного арбитража, то целесообразно сначала рассмотреть поведение государств при соблюдении обязательства по урегулированию спора через Международный арбитраж.

По достижении взаимосогласованного решения обоих государств обратиться в Международный арбитраж с целью урегулирования возникшего между ними спора принцип добросовестности возлагает на стороны ряд конкретных обязательств, суть которых сводится к обеспечению нормального хода арбитражного разбирательства и беспрепятственного отправления правосудия. Речь идет о следующем. Во-первых, первоочередной целью признается необходимость содействовать заключению компромисса в максимально допустимые сроки. При этом абсолютно недопустимыми представляются попытки создать искусственные препятствия на пути подписания этого соглашения. Во-вторых, ставится задача добиться тесного взаимодействия сторон в деле безотлагательного образования суда. Соответственно, исключается намеренное затягивание процедуры назначения арбитров. В-третьих, представляется важным содействовать вынесению решения о подсудности спора арбитражному суду в разумные сроки. Как следствие этого, подтверждается

недопустимость попыток затруднить или же вообще воспрепятствовать вынесению такого решения под тем или иным предлогом. В-четвертых, в качестве условия, регулирующего поведение всех вовлеченных в процедуру разрешения спора сторон, ставится задача: содействовать соблюдению в полной мере (согласно букве и духу соответствующего международно-правового документа) объема арбитражного обязательства. Запрещаются при этом попытки уклоняться от должного соблюдения принятого обязательства, например под предлогом отсутствия или неясности подлежащей применению нормы права. Договор об арбитраже или соответствующие положения конвенционного акта представляют собой документы, на основе которых стороны выразили свое согласие обратиться в арбитраж с целью окончательного урегулирования спора. Обязательство подобного рода обычно носит общий характер, а именно: в нем конкретно не уточняются условия передачи спора в арбитраж. Функции такого рода обеспечивают заключение компромисса, который служит необходимым условием любого арбитражного обязательства.

Комиссия международного права ООН включила в Образцовые правила арбитражного процесса (1958 г.) список из 14 предложений, в которых содержатся условия минимального порядка и постановления желательного порядка, которые могут быть использованы для заключения компромисса. Называются три условия минимального порядка: арбитражное обязательство, согласно которому данный спор должен быть передан арбитрам; предмет спора и, по возможности, пункты, по которым между сторонами достигнуто (или, напротив, еще не достигнуто) согласие; порядок образования суда и число арбитров. Среди постановлений желательного порядка присутствуют нормы, касающиеся полномочий арбитражного суда и процедуры, которой следует придерживаться. Полномочия арбитражного суда определяются в зависимости от содержания норм и принципов, которые должен применять суд (речь идет о том, будет ли спор решаться на основе международного права или на основе справедливости), и от характера выносимого постановления (рекомендация или решение).

Правила производства устанавливаются или непосредственно судом, если такое право предоставляется суду, или самими сторонами. В последнем случае в компромиссе заранее оговариваются: каков должен быть кворум для слушания дела; большинство, необходимое для арбитражного решения; срок, в течение которого арбитражное решение должно быть вынесено; возможность

формулирования особых и индивидуальных мнений; язык, используемый во время производства по делу; процедура обращения в Международный суд.

Определяя полномочия арбитражного суда и устанавливая правила производства, компромисс играет важнейшую роль в открытии и последующем проведении арбитражного разбирательства. Без него осуществление арбитражного производства практически невозможно. Компромисс в этом плане представляется логическим и естественным следствием наличия согласия государств, готовых содействовать урегулированию возникшего между ними спора на основе арбитражной процедуры, а соответственно, обязательство заключить компромисс – логическим и естественным следствием обязательства государств обратиться в арбитраж с целью урегулировать спор. Отсюда возникает вопрос: насколько отказ одного из государств – участников спора заключить компромисс представляет собой несоблюдение принципа добросовестности и нормы *pacta sunt servanda*? Некоторые авторы (Ф. Шапаль, Н. Политис, Ш. де Вишер) вполне справедливо, на наш взгляд, утверждают, что выполнение обязательства обратиться в арбитраж в свете принципа добросовестности включает и обязательство спорящих сторон заключить компромисс⁶¹. Другие авторы (например, Э. Золлер) считают, что отказ того или иного государства заключить компромисс есть нарушение нормы *pacta sunt servanda*, что влечет за собой его (данного государства) международную ответственность. Принцип добросовестности, по мнению Э. Золлера, играет здесь дополняющую роль применительно к норме *pacta sunt servanda*, поскольку установить факт недобросовестного поведения в данном случае представляется затруднительным⁷.

Однако такой довод не представляется достаточно убедительным. Установить факт, где имело место несоблюдение нормы *pacta sunt servanda* и где присутствует просто недобросовестное поведение субъекта права, практически возможно и даже необходимо в плане определения его международной ответственности. Так, с одной стороны, если государство уже после выражения согласия обратиться в арбитраж однозначно отказывается от заключения компромисса, то оно тем самым прямо нарушает норму *pacta sunt servanda*.

Говорить о добросовестном или недобросовестном поведении здесь, естественно, уже не приходится. С другой стороны, если государство после принятия обязательства обратиться к арбитражному разбирательству спора вступает в переговоры с целью заключения компромисса, но при этом намеренно уклоняется (под разными предлогами) от доведения своего согласия до логического конца (компромисса), вводя в заблуждение противоположную сторону, то налицо несоблюдение принципа добросовестного поведения. В качестве примера могут служить противоречивое поведение по вопросу подсудности дела арбитражному суду; ничем не оправданные задержки в формировании своей позиции по отдельным постановлениям компромисса; не обоснованное никакими мотивами приостановление участия в переговорах по заключению компромисса; отсутствие какой-либо реакции на предложения противоположной стороны вступить в переговоры с целью выработки компромисса уже после выражения намерения заключить его. В итоге определяющим критерием соблюдения принципа добросовестности в процессе заключения компромисса может служить поведение любого третьего государства в аналогичной ситуации. Если поведение данного государства характеризуется как неразумное по сравнению с тем, как могло бы себя повести любое третье государство в подобной ситуации, то вполне справедливо можно говорить о несоблюдении принципа добросовестности в его (данного государства) поведении. Отсюда вытекает следующий вывод о соотношении принципа добросовестности и нормы *pacta sunt servanda* в поведении государств при заключении компромисса. Норма *pacta sunt servanda* содействует выполнению постановлений договора об арбитраже, касающихся заключения компромисса, и тем самым предупреждает возможность отказа его заключить. Принцип добросовестности со своей стороны обеспечивает должный уровень поведения, необходимый для успешного завершения переговоров по заключению компромисса, и тем самым исключает любые действия, затрудняющие нормальный, естественный ход переговоров. Соответственно, несоблюдение нормы *pacta sunt servanda* будет прямым и однозначным отказом заключить компромисс, что вступает в противоречие с ясными и недвусмысленными постановлениями договора об арбитраже, в то время как нарушение принципа добросовестности означает любые действия, которые намеренно затрудняют достижение компромисса в нормальном порядке в ходе проведения переговоров по его заключению (уже после дачи формального согласия на вступ-

⁶ См.: *Chapal Ph.L* l'arbitrabilite des differends internationaux. Paris, 1967. P. 117; *Politis N.* La justice internationale. Paris, 1924. P. 212; *Visscher Ch.* Theories et Realites en Droit International Public. Paris, 1953. P. 411.

⁷ См.: *Zoller E.* La Bonne Foi en Droit International Public. Paris, 1977. P. 127, 128.

ление в переговоры). Таким образом, норма *pacta sunt servanda* и принцип добросовестности вместе содействуют тому, чтобы обязательство государства обратиться в арбитраж с целью урегулирования спора логично и естественным образом себя продолжило и проявило в добросовестном выполнении им обязательства заключить компромисс. Тем самым была бы создана международно-правовая основа для образования арбитражного суда и нормального хода всего арбитражного разбирательства.

Арбитраж, как известно, определяется как процесс разрешения международных споров арбитрами, выбранными и назначенными самими спорящими сторонами. Отсюда следует, что процедура образования арбитражного суда и назначения арбитров имеет решающее значение для всего арбитражного разбирательства. В силу этого она рождает порой некоторые трудности, обусловленные главным образом недобросовестным поведением одной из сторон – участниц спора.

Известно, что помимо выбираемого председателя суда, который выполняет роль нейтрального арбитра, в арбитражном суде заседают (по одному или по двое) арбитры, назначаемые каждой из спорящих сторон. Эти арбитры могут быть выбраны из граждан государств-участников. Их задача состоит в том, чтобы позволить спорящим сторонам высказать в ходе арбитражного процесса точку зрения, отражающую их национальную концепцию права. Правительства соответствующих государств – участников спора по вполне очевидным причинам весьма заинтересованы в назначении национальных арбитров. Такая заинтересованность понятна. Она служит логическим продолжением взаимосогласованного намерения спорящих сторон обеспечить в установленные сроки образование арбитражного суда и тем самым создать условия для нормального хода арбитражного разбирательства.

Образование суда осуществляется посредством компромисса – специального соглашения. Текст соглашения обычно фиксирует образованный состав суда. Таков нормальный ход событий, когда спорящими сторонами движет желание содействовать достижению справедливого решения, а в основе их поведения лежит принцип добросовестности. Однако, когда поведение какой-либо из спорящих сторон можно охарактеризовать как недобросовестное, в частности она, например, отказывается назначить арбитров в установленные сроки, нормальный ход арбитражного разбирательства может быть приостановлен. В обычном варианте недобросовестность в поведении государства на данной стадии судебного разбира-

тельства проявляет себя в попытках уклониться от участия в образовании суда под тем или иным предлогом, например, заявляя о неподсудности спора арбитражному суду. Действия подобного рода, разумеется, неправомерны. Они находятся в прямом противоречии с принципом добросовестного поведения, поскольку на фоне имеющегося ясно выраженного обязательства принять участие в образовании суда государство под надуманными предлогами предпринимает попытки уклониться от выполнения в должном объеме принятого международного обязательства. Доктрина международного права четко и однозначно высказывается в пользу признания недопустимости такого поведения государства⁸.

Международный суд в своем консультативном заключении от 30 марта 1950 г. прямо и однозначно высказался в пользу того, что государства, которых это касается, обязаны добросовестно выполнять договорные постановления, предусматривающие для них обязательство назначить своих представителей в арбитражный суд и тем самым принять участие в образовании суда⁹. Поскольку арбитражное обязательство (о котором идет речь в деле) было зафиксировано в договорной форме, то естественным представлялся вывод Международного суда в своем последующем консультативном заключении от 18 июля 1950 г.: невыполнение на добросовестной основе конвенционного обязательства по своей природе таково, что может повлечь за собой установление международной ответственности государства¹⁰.

Консультативные заключения Международного суда представляют значительный интерес для деятельности международных арбитражных органов как с научной, так и с практической точек зрения. В концентрированном виде суть заключений такова. Во-первых, государства должны выполнять на основе принципа добросовестности договорные постановления, которые предусматривают необходимость назначения своих представителей (арбитров) в арбитражный суд. Таким образом, государства обязаны принять участие в образовании арбитражного суда и обеспечить нормальный ход судебного разбирательства. Тем самым они не вправе уклоняться под разными предлогами (например, под предлогом о неподсудности спора арбитражному суду) от выполнения признанных за ними функций процессуального характера. Второе положение прямо вытекает из факта несо-

⁸ См., например: *Guyomar G. Le refus de compromettre et ses remèdes en Droit International Public Positif // RGDI. 1960. Vol. VI. P. 501.*

⁹ См.: *C.I.J. Recueil. 1950. P. 65.*

¹⁰ См.: *ibid. P. 221.*

блюдения принципа добросовестного поведения государства на стадии образования арбитражного суда. Отказ государства от обращения к арбитражу с целью урегулирования существующего спора, подсудность которого арбитражному суду уже признана, представляет собой нарушение договора об обязательном арбитраже и влечет международную ответственность данного государства. Таким образом, при наличии конвенционных постановлений, предусматривающих обращение к арбитражу, спорящие стороны в соответствии с принципом добросовестного поведения обязаны в установленные договором сроки назначить своих арбитров, принять участие в образовании арбитражного суда и тем самым обеспечить в максимально допустимой форме нормальный ход арбитражного разбирательства. Любые попытки воспрепятствовать образованию арбитражного суда посредством отказа от назначения арбитров рассматриваются как неправомерные и влекущие международную ответственность данного государства, поскольку идут вразрез с конвенционными постановлениями договора об обязательном арбитраже.

Принцип добросовестности при исполнении обязательства по урегулированию межгосударственного спора на основе обращения в арбитраж предполагает, что стороны не будут под разными предлогами уклоняться от выполнения буквы и духа данного обязательства. Сюда входят не только недопустимость отказа заключить компромисс и принять участие в образовании арбитражного суда, но и неправомерность ссылок на неюридический характер спора (в случае, когда юрисдикции арбитражного суда формально подлежат споры только юридического характера) или на неподсудность данного спора арбитражному суду (в случае, когда юрисдикции арбитражного суда подлежат все потенциально возможные возникнуть споры).

Ссылка на то, что спор якобы не носит юридического характера означает в действительности попытку воспрепятствовать разрешению спора согласно принципам права. Для того чтобы показать недобросовестность поведения, включающего действия такого рода, представляется целесообразным раскрыть содержание понятия спора, который можно разрешить согласно праву. Это позволит определить понятие “юридический спор”.

В доктрине международного права (об этом высказывался, например, французский юрист А. Ролен) проводится различие между спорами юридического порядка и спорами, которые возможно урегулировать на основе судебного или арбитражного

решения¹¹. Первые характеризуются своей природой, а вторые подлежат исключительно судебному или арбитражному урегулированию. Соответственно, встает очень чувствительный вопрос о природе международных споров. Действительно ли правомерно и логически оправданно деление споров на юридические и политические или же все это – лишь попытка со стороны определенного государства в нарушение принципа добросовестности уклониться от взятого международного обязательства – способствовать урегулированию спора на основе обращения в арбитражный суд, зафиксированного в форме конвенционных постановлений или в специальном договоре об арбитраже.

Поставленный здесь вопрос весьма важен, поскольку арбитражный суд, как известно, основывает свою деятельность по разрешению споров именно на применении права. Отсюда логически следовало бы ограничить область применения арбитража разрешением споров юридического порядка. Значительная часть договорной практики государств в течение определенного временного периода действительно шла в этом направлении. Ряд видных представителей доктрины международного права прилагали значительные усилия с целью найти теоретическое определение этой категории споров.

В том что касается договорной практики государств, можно выделить три основных направления в определении юридического характера спора. Первое направление определяло юридический спор как спор, где предметом разбирательства были толкование и применение международных конвенций (п. 1 ст. 38 Гагской конвенции 1907 г. о мирном решении международных столкновений). Статут Лиги Наций в п. 2 ст. 13 определял юридические споры посредством простого перечисления¹². В ст. 1 двусторонних конвенций об учреждении арбитража, представленных в качестве приложения к Локарнским соглашениям от 16 октября 1925 г., в качестве критерия юридического спора рассматривался спор, включавший в себя разногласие по вопросу права, который не мог быть разрешен на мировой основе с помощью обычных дипломатических средств.

¹¹ См.: AIDI. 1929. Hague. Vol. 35. Part 1. P. 479.

¹² Положения п. 2 ст. 13 Статута Лиги Наций были восприняты в полном виде в п. 2 ст. 36 Статута Постоянной палаты международного правосудия и Международного суда ООН. Вместе с тем надо учитывать то обстоятельство, что Постановления постоянной палаты международного правосудия и Международного суда не касались международного арбитража, а относились сугубо к деятельности международных судебных органов.

Доктрина международного права в концентрированном виде воплотила в себе основные направления договорной практики государств в вопросе определения юридического характера спора, подлежащего судебному или арбитражному разрешению. Основными критериями при установлении юридического характера спора были, во-первых, определение того, насколько данный спор подлежит разрешению на основе права, и, во-вторых, наличие соответствующего намерения сторон. Так, например, Ш. Руссо определял юридический спор как «спор, в котором стороны выражают свое несогласие относительно применения или толкования действующего права»¹³. Дж. Вержил в своей попытке определить юридический характер спора связал эту задачу с ролью объективного международного права в установлении обоснованности субъективных прав сторон¹⁴. Высказанная Дж. Вержилом точка зрения, отражая мнение ученых своего времени об ограничении арбитражного разбирательства только спорами так называемого строго юридического характера, заслуживает пристального внимания. Признание роли объективного международного права при определении юридического характера спора подтверждает тезис о том, что установление характера спора должно осуществляться исключительно на объективной основе без элементов произвола, когда под предлогом его неюридического характера сторона в нарушение принципа добросовестности пытается уклониться от выполнения на должном уровне обязательства содействовать урегулированию спора на основе обращения в суд (арбитраж).

Анализ мнений ученых по вопросу об определении юридического характера спора показывает, что общим критерием здесь выступает ответ на вопрос: может ли данный спор быть разрешен на основе международного права? Вместе с тем указывается на роль самих государств как основного, решающего фактора при ответе на вопрос о юридическом характере спора.

Тот факт, что практически все ученые сходятся на мысли о том, что государства сами правомочны решать, рассматривать ли данный спор как юридический и, соответственно, подлежащий урегулированию на основе судебно-арбитражной процедуры, весьма знаменателен. Он подтверждает точку зрения, согласно которой именно от наме-

рения самих государств зависит решение о юридическом характере спора. А это обстоятельство определяет, будет ли процесс арбитражного разбирательства идти нормально, без искусственно возводимых препятствий, выдвигаемых под предлогом неюридического характера спора. Добросовестное поведение государств на стадии решения о подсудности спора арбитражному суду служит залогом того, что международное обязательство, зафиксированное в соответствующих статьях общего договора или в специальном соглашении об арбитраже, будет реализовано в должном объеме.

Таким образом, при наличии добросовестного намерения сторон содействовать урегулированию спора на основе судебно-арбитражной процедуры вопрос о юридическом характере спора решается весьма просто. Возможность разрешения спора на основе применения норм международного права определяет в общем порядке юридический характер спора. Если не брать во внимание фактор намерений государств, это правило можно рассматривать в качестве оптимального научного критерия установления юридического характера спора. Однако в том, что касается так называемых политических споров, изыскание оптимального научного критерия для их определения представляется достаточно сложным, поскольку общий критерий здесь просто отсутствует. Отсюда вполне обоснованно звучит критика ученых в отношении искусственного характера деления споров на юридические и политические. Очевидно, что довод в пользу политического характера спора может быть использован в качестве предлога для того, чтобы уклониться от выполнения на основе принципа добросовестности принятого международного обязательства – содействовать урегулированию межгосударственного спора на основе обращения в суд (арбитраж).

В историческом плане расхождения во взглядах среди ученых-международников относительно юридического или неюридического характера споров стали особенно заметны в период между двумя мировыми войнами, отразив в себе договорную практику того времени (Статут Постоянной палаты международного правосудия, Пакт Локарно 1925 г., Генеральный акт о мирном разрешении международных споров 1928 г.), которая проводила это различие. Хотя внешне эти расхождения и носили теоретический оттенок, тем не менее по существу они определяли основу самого понятия подсудности спора суду (или арбитражу). В зависимости от того, как должна была решаться проблема юридического характера спора – согласно установившемуся научному критерию или

¹³ *Rousseau Ch.* Droit International Public. Paris, 1953. P. 477.

¹⁴ *Verzijl J.H.W.* La classification des differends internationaux et la nature du litige anglo-turc relatif au Vilayet de Mossoul // *Revue de Droit International et de legislation comparé.* La Haye. Paris, 1925. P. 732.

же через объективный анализ свободного волеизъявления самих государств – определялась возможность урегулирования данного спора посредством обращения в суд (арбитраж). Хотя принятие единого, строго научного критерия при определении характера спора (способность урегулирования спора на основе применения права) и вносило определенную упорядоченность в процедуру установления юридического или неюридического характера спора, тем не менее всесторонний учет взаимосогласованного намерения сторон, как он нашел свое отражение в соответствующих конвенционных постановлениях или в договоре об арбитраже, способен обеспечить справедливый исход вопроса о подсудности спора арбитражному суду (суду вообще) и создать условия для нормального прохождения всего судебного-арбитражного разбирательства.

В итоге именно намерение сторон предопределяет окончательное решение вопроса о подсудности спора суду. Соответственно, именно намерение содействовать в максимально допустимой степени арбитражному (судебному) урегулированию спора, зафиксированное в договорно-правовой форме, заранее предполагает согласие сторон рассматривать данный спор как юридический. Любые последующие действия какой-либо из сторон, направленные на то, чтобы под предлогом неюридического характера спора уклониться от выполнения принятого им обязательства – обеспечить судебное (арбитражное) урегулирование конкретного спора, будут означать нарушение принципа добросовестности. Государство, допуская до сих пор действия подобного рода, согласно предписаниям современного международного права призвано их прекратить и содействовать нормальному ходу судебного (арбитражного) разбирательства.

В настоящее время теоретические разногласия относительно юридического и неюридического характера споров, подлежащих судебному (арбитражному) разрешению на основе имеющегося международного обязательства, в большей степени сгладились и отошли на задний план. Понимание необходимости разрешения любых межгосударственных споров на безусловной основе при наличии соответствующего обязательства на этот счет отодвинуло вопрос о юридическом или неюридическом характере спора в область абстрактного теоретизирования. В ряде современных

работ порой выдвигается утверждение о существовании юридических и неюридических (политических) споров, однако в итоге оно сводится на нет признанием того неопровержимого факта, что один и тот же спор может включать юридические и политические аспекты¹⁵. А это признание, по вполне понятным причинам, ведет к положительному решению вопроса о потенциальной подсудности любого спора суду (арбитражу).

С международно-правовой точки зрения вся проблема проведения различия между юридическими и политическими спорами не имеет под собой серьезного обоснования и не привлекает особого интереса прежде всего по трем причинам: во-первых, в силу того, что, по сути, не существует различия между юридическими и политическими спорами; во-вторых, поскольку практически нет таких споров, которые не могли бы быть разрешены посредством обращения к праву, и, в-третьих, ввиду того, что оценка спора зависит в основном от воли самих государств и определяется присутствием намерения выполнять принятое в договоре об арбитраже международное обязательство на основе принципа добросовестности.

Объективный анализ любого межгосударственного спора свидетельствует об искусственности, (если не сказать о предвзятости) утверждений о том, что какой-то определенный спор является исключительно политическим и поэтому неподсудным суду (арбитражу). Обычно за утверждениями такого рода стоит стремление государства уклониться от им же принятого международного обязательства содействовать урегулированию возникшего спора на основе судебного-арбитражной процедуры. Любые реальные действия государства в этом направлении неправомерны и представляют собой нарушение принципа добросовестности. Ссылки на то, что какой-то определенный межгосударственный спор в силу своего исключительно политического свойства выпадает из сферы договорного обязательства, несостоятельны.

Международный суд по факту своего статуса в качестве главного судебного органа ООН может решать любой спор, переданный ему сторонами.

¹⁵ См.: *Mabrouk M. Les Exceptions de procedure devant les juridictions internationales*. Paris, 1966. P. 206–210; *Nguyen Quoc Dinh. Droit International Public*. Paris, 1975. P. 691–693.